

УДК 39 + 571. 1/5

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АБОРИГЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОСЛЕ ИХ ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА**

С. А. Чернышов

**POLITICAL TRANSFORMATION OF THE ABORIGINAL STATES OF WESTERN SIBERIA
AFTER THEIR INCLUSION IN MUSCOVITE STATE**

S. A. Chernyshov

В статье рассматривается процесс политического развития аборигенных народов Западной Сибири после их включения в состав Московского государства. Делается вывод, что после присоединения Западной Сибири основным субъектом политической жизни постепенно становится русская царская администрация. Это происходит путем постепенного выхолащивания реальной власти местных князей, активной работы с аборигенными элитами и позиционирования московского царя как естественного правопреемника власти в Сибирском ханстве.

The paper presents the process of political development of the indigenous peoples of Western Siberia after their inclusion in Muscovite state. It is concluded, that after the accession of Western Siberia Russian imperial administration gradually became the main subject of political life. This was done by gradually diluting the real power of local princes, active work with the aboriginal elites and the positioning of the Moscow tsar as a natural successor of power in the Khanate of Siberia.

Ключевые слова: Сибирь, государство, политика, аборигены, русские.

Keywords: Siberia, state, politics, aboriginals, Russian.

Научные исследования политической истории аборигенов Западной Сибири впервые стали появляться лишь в середине XVIII в. Однако долгое время в изучении сибирской истории XVI – XX вв., а также более ранних периодов, все равно преобладал унифицированный, «москвоцентричный» подход, предполагавший рассмотрение распространения политического влияния, государственных и идеологических концепций только с запада на восток – из столицы на периферию. Обратное влияние накопившегося у сибирских аборигенов опыта государственного строительства и социально-политических отношений в целом считалось ничтожным. Это наложило определенный отпечаток на комплексное изучение исторического взаимодействия столицы и периферии и вылилось в конечном счете в болезненные поиски национально-территориальной идентичности, которые мы видим в настоящее время на Урале и в Западной Сибири. Напротив, комплексное изучение политической истории аборигенных народов этой территории позволило бы выявить полицентрические факторы государственного строительства, что, несомненно, важно для научной мысли и актуальной политической практики.

Начало научной систематизации документов и иных свидетельств положено в трудах Г. Ф. Миллера [14], который сосредоточился на изучении военно-административных вопросов. Дальнейшее закрепление выдвинутых концепций Миллера было достигнуто в трудах И. Э. Фишера [24], П. С. Паласа, затем отчасти и в трудах Н. М. Карамзина [9, с. 481 – 503]. Особый этап на этом периоде изучения аборигенной государственности связан с именами П. А. Словцова [20] и С. У. Ремезова. Два последних автора, несмотря на «сибирскую» локацию и примерно одинаковый период работы, сделали различные выводы относительно уровня социально-политического развития

сибирских аборигенов. Ремезов, издавая известные «Чертежные карты Сибири», не оставил на них места для сомнений: на чертежах, сделанных в начале XVIII в., упоминаются исключительно аборигенные политические объединения с «вкраплениями» русских городов. В свою очередь П. А. Словцов подчеркивал архаические черты социально-политической жизни аборигенов Западной Сибири, описывал быт и религию местных народов как «близкую к первобытному строю» и даже не рассматривал возможность наличия сколько-либо развитых политических институтов.

В этот же период особо следует выделить материалы начала XVIII в., собранные в сборнике «Памятники Сибирской истории» и демонстрирующие критический настрой к «официальной» государственной версии политического освоения Сибири, признавая живучесть аборигенных политических институтов: «Сибирь жила еще на прежних основаниях» [17, с. 3]. Следует также отметить описания западноевропейскими очевидцами локальных социально-экономических отношений в Сибири, об азиатских (монгольских, тюркских и т. п.) истоках местной государственности. В этих источниках впервые ставится вопрос потенциальной вероятности хозяйственного и политического регресса местных народов: «в более древние времена эту страну населяли народы более высокого развития, нежели ныне» [8, с. 32].

Практически в том же ключе к исследованию политической системы аборигенов Сибири подходят и исследователи XIX – начала XX вв. Среди работ этого периода необходимо отметить пятитомный «Исторический очерк Сибири» В. К. Андриевича, П. Н. Буцинского; исследования Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и других исследователей. Перечисленные авторы критикуют «москвоцентричный» подход к политической истории Западной Сибири: по меткому за-

мечанию А. П. Шапова, сделанному в середине XIX в., «у нас русские историки только в первой главе обыкновенно выскажут несколько слов о русских племенах или народах, так же, как только в первой главе скажут несколько слов о русской географии или географическом влиянии на историю – как будто племена и народы вдруг исчезают бесследно с лица русской земли, не оказав никакого влияния на русский народ, на русскую историю». Однако концептуальных альтернатив такому подходу, основанных на комплексном рассмотрении собственно аборигенной политической истории, в данный период, по сути, представлено не было.

Работы совершенно иного рода начинают публиковаться в 1920 – 1930-е гг. История Сибири сильно политизируется в части описания социального и политического строя местных народов. С одной стороны, первые работы советских историков были направлены на «разоблачение царизма, его колониальной политики, а также решительную борьбу с пережитками великорусского шовинизма» (работы А. П. Окладникова, С. Б. Окуня и др.). С другой стороны, эти же работы представляли социально-политический строй местных народов как отсталый, подчеркивая цивилизационную важность для западносибирских аборигенов в их включении в состав Русского государства.

Характерными в этом смысле представляется работы Н. М. Козьмина, в которых автор рассматривает социально-экономические и политические отношения аборигенов Сибири исключительно через призму формационного подхода, пытаясь описать существующие институты посредством марксистских терминов [11, с. 75]. Наиболее законченной эта концепция предстает в трудах С. В. Бахрушина [4], в которых автор смещает акценты политической истории Зауралья от взаимоотношений русских и аборигенного населения к рассмотрению собственно аборигенной социально-политической традиции.

В 1950 – 1960-х гг. эта проблематика находит свое отражение также в работах В. В. Покшишевского, В. Н. Скалона, З. Я. Бояршиновой, А. А. Преображенского, А. П. Окладникова, В. А. Александрова, А. Н. Копылова, М. И. Белова и других авторов. В итоге к 1970-м гг. складывается достаточно «политкорректный» подход к описанию политической истории сибирских аборигенов, сводившийся к мирному сосуществованию русского и местного населения и мирного же включения аборигенов в состав Московского государства через хозяйственные, культурные связи. При этом собственно попытки охарактеризовать уровень политического развития аборигенов, за редким исключением, не предпринимаются.

Особое значение для исследуемой темы имеют работы, изданные с конца 1980-х гг. по настоящее время. Именно в этот период исследователи постепенно отходят и от идеологизированных подходов в оценке политической жизни аборигенов Западной Сибири, и от сугубо этнографических описаний. Так, А. Г. Нестеров в 1988 г. впервые предлагает использовать русские летописи для комплексного анализа

политических отношений русских княжеств и сибирских «государств» [16, с. 14]. В литературе 1990-х гг. уже признается неоднозначный, многофакторный характер как присоединения Сибири к Русскому государству, так и дальнейшего сосуществования в рамках одной политической реальности аборигенов и служивых людей [25]. Любопытно при этом, что взгляды некоторых исследователей к 2000-м гг. эволюционировали: так, в 1983 г. З. П. Соколова констатирует [21, с. 152] существование у насельников Западной Сибири исключительно архаических родовых общественных отношений, а в работе конца 2000-х гг. тот же автор уже признает, что «сообщения о родовом строе у обских угров появились лишь в XIX в. – ранние сообщения XIV – XVI вв. ничего такого не содержат» [22, с. 319].

Особо следует отметить исследования западносибирской государственности, проводимые в отдельных регионах России. В частности, в Татарстане, который по известным причинам культивировал исторические обоснования собственной государственности – и заодно стимулировал подробные специализированные исследования Сибирского ханства и других государственных образований Зауралья, посвященные этой проблеме. (Прим. автора: хотя местные исследователи начали публиковать работы на подобную тематику еще в позднесоветский период – например, Г. Л. Файзрахманов). Среди прочих следует выделить работы С. Х. Алишева, в которых государственность в Западной Сибири описывается через дипломатические документы XIV – XV вв. [1]. Документы, появляющиеся в ходе международных сношений различных государств, также дали богатый материал для исследований А. В. Парунина [18]. В тот же период В. П. Костюков одним из первых доказательно постулирует тезис, согласно которому западносибирская государственность имеет родовые корни в Золотой Орде и других осколках империи Чингизидов [12] и напрямую говорит о типологической близости всех евразийских государств. Е. Ю. Коблова впервые специализированно исследует взаимосвязи и политическую эволюцию Ишимского, Тюменского и Сибирского ханств [10].

Термин «аборигенное государственное образование» в данной статье упоминается, имея в виду форму организации политической власти у аборигенов Западной Сибири. Употребляя форму «государственное образование», мы подчеркиваем, что местные аборигены фактически приблизились к полноценному функционированию основных политических институтов (своего времени), с поправкой на особенности рассматриваемой территории.

Согласно одному из авторов теории раннего государства Х. М. Классену, условия, при которых общество путем политической эволюции приходит к формированию государственности, следующие [23, с. 105]: 1) достаточная численность населения; 2) контроль над определенной территорией; 3) система производства избыточного продукта для содержания «специалистов»; 4) наличие идеологии, которая оправдывает неравенство и иерархию.

Проведем краткий анализ политических образований Западной Сибири по этим критериям на примере ключевого для этого региона Сибирского ханства. Территорию, которая контролировалась центральной властью ханства, можно оценивать по-разному. По традиции, заложенной еще С. Ремезовым и Г. Ф. Миллером, Сибирское ханство – это компактное образование на Тоболе и Иртыше («треугольник образуемый Тоболом с Турою и Иртышом с Омью» [14, с. 476]), ограниченное в территории и относительно единое по этническому составу, то есть объединяющее местные группы сибирских татар. Согласно другому подходу, границы Сибирского ханства определяются по месту нахождения военных укреплений – фактически пограничных пунктов верховного правителя – в данном случае, хана Кучума. Их местонахождение, в основном, известно. Крайней точкой ханства на западе в этом случае будет «Тархарский городок» на Тоболе, на востоке – «городок Куллары» на Иртыше чуть ниже устья реки Туи. На севере Миллер отмечает «острой займище царя Кучума» и «татарское городище» [14, с. 476] на Тавде около рек Тобол и Бизик соответственно. Особенно насыщенной на укрепления была область вокруг столицы Искера (Кашлыка), вокруг которого известны укрепления Сузгун-Тура, Бициктура, городок на Чувашском мысе, городок мурзы Аттики, Ебалака и т. д.

В конечном счете дискуссия о границах Сибирского ханства сводится к решению вопроса о том, что считать территориями, контролируруемыми центральной властью этого государственного образования. Или это территория, непосредственно подчиняющаяся хану, или все податные единицы, связанные с ханом отношениями власти и подчинения – как правило, через выплату ясака.

Последнее обстоятельство долгое время не считалось основанием для расширения формальных границ Сибирского ханства за счет соседних, зависимых от него аборигенных политических объединений. Так, С. В. Бахрушин отмечает, что зависимость исследуемых им остяцких и вогульских княжеств от «татарских ханов» ограничивалась «лишь уплатой ясака и военной помощью», что означает отсутствие «прочной связи» этих народов с Сибирским царством и предательство Кучума местными правителями в критический момент первых побед русских [3, с. 114]. Но дело в том, что ни в чем другом, кроме выплаты ясака и «военной помощи» (то есть, защитой территории со стороны центрального правительства и предоставление воинов с мест в случае конфликтов), по сути, подчинение той или иной территории центральному правительству в центральноазиатской традиции и не проявлялось. Никаких «общегосударственных бюджетов» или социальной системы, естественно, не существовало, и различные части государства объединялись с конкретными практическими задачами – добровольно или принудительно, в результате конфликтов.

Это обстоятельство позволило говорить исследователям по меньшей мере с 1970-х гг. о том, что «в политической зависимости от Сибирского ханства

находились не только входившее в него население, но и племена и роды, обитавшие на смежных с ханством территориях» [25, с. 105]. Кроме того, в пользу этой версии говорит и наличие унифицированных устойчивых податных образований, которые русские встретили по всей территории Западной Сибири – вплоть до бассейнов Томи и Чулыма. Даже ханты нижней Оби находились в политической зависимости от Сибирского ханства и были организованы в податные единицы [2, с. 113].

Говоря о населении, следует отметить, что по плотности населения порядка 0,3 – 0,5 человека на квадратный километр Сибирское ханство к середине XVI в. заметно уступало Московскому государству, где в тот же период при населении 7 – 8 млн человек и площади территории около 2,8 млн квадратных километров плотность населения составляла порядка 2,5 человека на квадратный километр [6, с. 112]. То есть Сибирское ханство по территориальной организации было «очаговым» государственным образованием, в котором территории с большой плотностью населения сочетались с практически безлюдными территориями и протяженными внешними границами.

Это должно было наложить свой отпечаток на социально-политическую организацию местного населения. Очевидно, что при низкой плотности населения социальная и политическая жизнь должна быть сконцентрирована в крупных поселениях городского типа, тем более что сеть средневековых городов считается одним из признаков государственности.

Сведения о городах в Сибирском ханстве обрывочны и носят, как правило, оценочный характер. Исследователи называют цифры от 15 до 70 городков [25, с. 18]. Главная проблема в том, что археологических исследований средневековых городов Западной Сибири немного. В первые десятилетия никто не занимался изучением средневековых городов в Сибири, а когда сюда потянулись первые научные экспедиции – в начале XVIII в., то многие поселения попросту поглотила вода. Например, вот что пишет Г. Ф. Миллер об Искере почти через 200 лет после того, как его взяли русские: «в том месте река Иртыш, протекая, подмывает берег, так и здесь часть горы обвалилась. Уверяют, что со стороны реки часть площади много или мало, – неизвестно, обвалилась» [14, с. 233]. Кроме того, строительство русских поселений прямо на месте городков местного населения не оставляло шансов будущим археологическим раскопкам. Например, татарский город Чимги-Тура был уничтожен новой застройкой русской Тюмени.

Основные черты структуры внутреннего устройства Сибирского ханства описаны уже в работах советских историков – и они вполне находятся в русле теории о том, что государственные образования в Западной Сибири формировались по тем же принципам, которые господствовали в тюркоязычном и постзолотоордынском мире: «Сибирское ханство состояло из нескольких улусов, возглавлявшихся беками или мурзами, которые находились в той или иной степени зависимости от верховного правителя ханства» [16,

с. 15]. Между центральной властью и князем (беком) существует система сдержек и противовесов, при которой, с одной стороны, ханское правительство ограничивает власть региональных правителей, забирая у них внешнеполитические, военные, и часть фискальных компетенций, и, напротив, региональные правители ограничивают власть хана, поскольку им непосредственно подчиняется большая часть податного и военнообязанного населения. Именно эти обстоятельства позволяют историкам говорить о том, что «централизация власти в Сибирском ханстве была слабой» [3, с. 43], и «во внутреннюю жизнь улусов центральная власть, как правило, не вмешивалась, посылая для управления улусами сборщиков ясака» [3, с. 37].

Определенные сведения имеются и о центральном аппарате управления Сибирского ханства – по аналогии с иными подобными государствами и по имеющимся письменным, археологическим и этнографическим источникам. Главой центрального аппарата власти, естественно, был сам хан. Далее центральная власть разбивалась на территориальную (через есаулов и сборщиков ясака, о которых сказано выше) и тех чиновников, которые находились непосредственно в столице. Прежде всего, это карача (визирь, «думчий царев» в русских летописях) и вельможи – советники хана [16, с. 18]. Наиболее значимые вельможи при этом имели дарованные властью хана (то есть в рамках его собственного улуса) крепости с податным населением. В источниках упоминается «городок Атик-мурзы», «большого князца Бегиша», «княжев городок», «Карачин» городок, город мурзы Чангулы и т. д. [4, с. 156]. Понятно, что по средневековым традициям институты государственного управления были тесно и практически неразличимо переплетены с придворными службами, что в совокупности с практическим отсутствием письменных источников не дает возможности детального анализа функционального отраслевого управления в центральном аппарате Сибирского ханства. Но очевидно, что эти функции были достаточно понятны: внешнеполитическая, военная, фискальная, с определенного момента – религиозная и так далее.

Наконец, известно три основных направления консолидации региональных княжеств и создания централизованного государства в ханстве Кучума:

- 1) создание стабильной фискальной системы;
- 2) создание военно-оборонительной (строительство на границах военных городков и т. д.) и другой инфраструктуры – прежде всего, дорог. «Сложившиеся маршруты приобрели статус государственных. Создана система переправ через реки, построены инженерные сооружения. Вплоть до начала XVIII века Россия не занималась в Западной Сибири прокладкой новых дорог» [23, с. 176];

- 3) попытка введения единой веры – ислама, что началось практически сразу после воцарения Кучума в Сибирском ханстве. Хан пригласил из Бухары проповедников, которые распространяли веру сначала среди сибирских татар, а затем среди соседних народов [23, с. 175].

Именно на этом пути реформ и застал Сибирское ханство конфликт с Русским государством – сначала опосредованно, а затем и непосредственно.

Вместе с тем, согласно современным представлениям, очевидно, что локальное социально-политическое развитие аборигенных народов Западной Сибири не прерывается после начала включения этой территории в состав Московского государства (то есть с конца XVI – начала XVII вв.). Рассмотрим компоненты политической эволюции аборигенных государственных образований в рассматриваемый период.

Первый – «замена» элиты на лично обязанную московскому царю. Дело в том, что в Сибирском ханстве и на соседних территориях при борьбе с завоевательными походами русских, по сути, исчез цвет местной политической знати – как когда-то было в Казани после русского завоевания [6, с. 56]. Причины разные: физическое истребление, миграции, междоусобицы и т. д. Например, по свидетельству Г. Ф. Миллера, «только в одной сеитской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанакowych юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род со времен Кучумовичей, а также княжеским фамилиям, которые были тесно связаны с этим родом, приходит новая формация правителей, уже явно не обладающих авторитетом прежних лидеров, хотя и являющихся легитимными для подвластного населения. Условно новых правителей можно назвать «вторым эшелонем власти» Сибирского ханства.

Вначале эти правители не являются ставленниками русских. Напротив, московская администрация поддерживает правящих князей, поставленных по местным обычаям, взамен на выполнение в отношении подвластного населения определенных требований русского царя – прежде всего, сбора ясака. По описанию С. В. Бахрушина, «во главе хантыйской или мансийской волости оно оставляло представителей старой племенной знати, используя их в собственных целях, и их руками держа все племя» [2, с. 151]. По сути, речь идет об опосредованном управлении – переходной форме подчинения одного политического объединения другому.

На следующем этапе местные правители-князья, оставаясь на все том же уровне обособленности (фактически являясь независимыми правителями при формальном признании власти русского царя), проходят «отсев»: русская администрация начинает поддерживать в местных элитах тех, кто выгоден ей с определенными целями. Яркий пример – смена власти табаринскими татарами в Пельме, где в результате формально «внутренних» интриг в 1598 г. к власти пришел Воча-мурза, поддержанный русскими. Он тут же отплатил своим покровителям, «ударив государю челом 40 соболями единожды», при том, что годовая норма сбора ясака с этого образования составляла 68 соболей [15, с. 18]. А в Пиковской волости селькупов в 1629 г. еще отмечается правление местного князя Сонгура, однако уже через 10 лет – некоего Судзи

Иванки, «выдвинувшегося за большие услуги перед новой властью» [19, с. 170].

Постепенно местные правители начинают делиться царской администрацией на тех, кто поддерживает Москву, и тех, кого в грамотах царю называют «изменниками». Это проявляется как в риторике обращений, так и в характеристике самих правителей. Например, именно в этот период в отношении некоторых местных правителей впервые употребляется уничижительное слово «князец», но только тех, кто не поддерживает власть русских. Так, в грамоте царя Василия Шуйского в Сургут, датированной маем 1610 г., говорится: «Бил нам челом Пегие орды князь (Прим. автора: курсив здесь и далее мой) Тайбохта Воня сказал: посылан он е был с нашими служивыми людьми на наших изменников на Менлея, да на Чулымских и Кетских князьков, и он де тех изменников князьков под нашу царскую руку привел» [14, с. 432]. То есть, помимо прочего, в рядах местной элиты искусственно культивируется противостояние друг другу. Это приводит к ослаблению единой антирусской фронды среди местных правителей.

Вторая тенденция – выхолащивание реальной власти местных правителей. Другими словами, постепенно меняется формальный источник власти: вместо власти «от земли», по праву родства, сибирские князья начинают получать власть как пожалование от московского царя.

Наиболее отчетливо это проявляется в Кодском княжестве. После перехода этого государственного образования под власть московского царя в течение полувека здесь правит местная княжеская династия [2, с. 116] по праву родства в выделившейся элите. Однако затем в грамотах московского царя все чаще встречаются упоминания о том, что Кодский князь получает свои «вотчины» за службу и «кровь» от государя московского на правах условного владения [2, с. 125]. Среди прочих, именно это обстоятельство стало причиной масштабного восстания остяков в 1662 г. [2, с. 133].

Для выхолащивания реальной власти местных князей как нельзя лучше подходили и непрекращающиеся междоусобицы, в ходе которой местные правители захватывают власть в соседних княжествах, смещая друг друга. Так, после гибели Вони в 1602 г. в Пегой Орде начинает править васюганский князь Кичей, чья военная мощь была очень тесно связана с поддержкой русских «служивых людей». Вначале Кичей еще пытался формально обосновать свое правление как опеку сыну, женившегося ранее на дочери Вони [19, с. 152]. Но затем и здесь источником власти становится пожалование московского государя как единственно стабильное в такой ситуации для элиты обоснование.

В результате уже к XVIII в., то есть всего за 100 лет нахождения под властью московского царя, древние местные княжеские династии фактически прерываются [19, с. 150]: сильные и авторитетные представители местной знати убиты в междоусобицах, а их владения постоянно переходят из рук в руки.

Третья тенденция – подчеркнутая идеологическая преемственность московского царя от прежней власти. Системы государственного управления в Сибирском ханстве и Московском царстве были весьма близки – настолько, что, присоединя обширные территории Зауралья, московские цари просто «перевели» на себя ясак, уплачиваемый ранее сибирским ханам [3, с. 51]. Ситуация также не уникальна: за полвека до присоединения Западной Сибири точно такой же стратегии Москва придерживалась и в Казанском ханстве – московский государь объявлялся преемником казанских ханов, о чем подданных извещали специальные грамоты [3, с. 51].

Но эта преемственность, на наш взгляд, не ограничивалась исключительно внутренними, локальными правилами государственного устройства. Проводя подчеркнутую политику преемственности, московские цари де-факто и де-юре сохраняли сами аборигенные государства, становясь их новыми правителями. То есть Сибирское ханство после завоевания русскими формально сохранялось – просто его новым правителем «по должности» становится московский царь, который «по совместительству» управляет и другими завоеванными государствами.

Казанское, Астраханское и Сибирское ханства оказались настолько нужными московскому правителю и местному населению образованиями, что де-юре сохранились вплоть до петровских реформ государственного управления [23, с. 175], то есть около полутора веков после их завоевания. Россия как бы «переваривала» присоединенные владения, которые, по выражению Г. Ф. Миллера, оставались в ее составе чем-то «чужеземным» [15, с. 88]. Последнее выражалось в том, что Сибирское ханство как личное владение московского государя некоторое время управлялось через Посольский приказ, затем в 1599 г. перешло в ведение приказа, который управлял Казанью и Астраханью, и только в 1637 г. получило собственный Сибирский приказ.

Обстоятельство формального сохранения Сибирского ханства умело использовалось в качестве идеологического аргумента укрепления власти московского царя в Зауралье. Подавая себя как законного правопреемника прежних правителей, московские цари отрешивались от местных политических противостояний, как бы пребывая над схваткой.

Четвертая тенденция – архаизация общественно-политических отношений местного населения. Как отмечала ещё Г. Н. Пелих: «возрожденные формы родоплеменного быта были поставлены на службу колониальным властям» [19, с. 171]. Следствие этого процесса – постепенное затухание жизни в оставшихся автохтонных городах Западной Сибири. «К началу XVIII века собственно сибирских автохтонных городов не существовало. Такова цена, которую сполна уплатили коренные сибиряки за насильственное их порабощение» [13, с. 119]. (Прим. автора: при этом на месте многих из них возникли русские города, то есть городская традиция в Западной Сибири не прерывалась).

Политической эволюции в смысле прогрессивного развития местных политических образований Мос-

ковское правительство в Западной Сибири не обеспечивало – эта территория должна была быстро интегрироваться в общерусские отношения. Если новые административные структуры и создавались – то по большей части исключительно для того, чтобы обеспечить колониальные потребности новой власти в сборе ясака. И в целом «целью было не закрепить за собой новообретенные владения, поставивши в каждом значимом участке по крепости с гарнизоном, а подвести под ясачный сбор максимальное количество сибирских туземцев» [25, с. 67]. Отсюда и особенности структуры населения первых русских городов в Западной Сибири – это сплошь «служивые люди». Так, по подсчетам О. Н. Вилкова, «население города Сургута состояло на всем протяжении конца XVI – начала XVII века из одних лишь служивых людей, ружников и оброчников, и не имевшее иного населения» [7, с. 3].

Отсутствие стабильной системы государственной власти в Западной Сибири остро чувствуют и местные князья, которые в первое время еще имеют реальную власть. Вспомним эпизод строительства Томска по челобитной князя Тояна. Вопрос государственного значения Тоян поехал решать не к местному воеводе, а напрямик в Москву – туда, где реальная и стабильная власти. Там же был решен вопрос об освобождении эуштинцев от ясака, и обещана помощь Тояна в покорении киргизов, чатских татар и теленгутов [14, с. 313]. Таким образом, налицо явное противопостав-

ление интересов местных воевод с интересами государства: решать стратегические вопросы местные правители вынуждены в Москве. Точно также московские князья «за справедливостью» ездили в Каракорум, поскольку, хотя в их землях и были монгольские представители – тайши, но реальная власть все равно находилась в столице, у хана.

Автохтонный политогенез в Западной Сибири постепенно сходит на нет, сменяясь колониальной государственной политикой Московского царства. Последние местные князья упоминаются в летописях в конце XVIII в. – в Сосьве и Казыме [2, с. 139], однако местные роды к этому времени сменяются на ставленников русской администрации, получая взамен пожалованные вотчины в средней полосе России. Например, после уничтожения самостоятельности Кодского княжества к 1643 г. последнего князя Дмитрия Алачева пожаловали званием московского дворянина с прилагающейся к званию вотчиной на Вычегде [13, с. 55].

Таким образом, с момента присоединения Западной Сибири к Московскому государству основным субъектом политической жизни постепенно становится именно русская царская администрация. Это происходит путем постепенного выхолащивания реальных полномочий аборигенных князей, активной работе с местными элитами и позиционирование московского царя как естественного правопреемника власти в Сибирском ханстве.

Литература

1. Алишев С. Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII – XVI вв. Казань, 2009. 253 с.
2. Бахрушин С. В. Остягие и вогульские княжества в XVI – XVII вв. // Научные труды С. В. Бахрушина. М., 1955. 452 с.
3. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири // Научные труды С. В. Бахрушина. М., 1955. 452 с.
4. Бахрушин С. В. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII веков: в 4-х т. Т. 2. М., 1955. 469 с.
5. Беляков А. В. Крещение служивых Чингизидов в России XVI – XVII вв. // Российская история. 2011. № 1. С. 107 – 115.
6. Вернадский Г. В. Московское царство. М., 1997. 314 с.
7. Вилков О. Н. Город Сургут и его торговля в XVII веке. Новосибирск, 1997. 52 с.
8. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. 244 с.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 4-х кн. Репринт. Т. 3. Ростов н/Д, 1994. 503 с.
10. Коблова Е. Ю. Ишимское ханство в источниках и историографии // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Казань, 2010. С. 25 – 38.
11. Козьмин Н. П. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М., 1934. 150 с.
12. Костюков В. П. Улус Шибана Золотой Орды. Казань, 2010. 200 с.
13. Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. 136 с.
14. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2-х т. Т. 1. М., 1937. 549 с.
15. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2-х т. Т. 2. М., 1941. 638 с.
16. Нестеров А. Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV – XVI вв.: археология и история. М., 1988. 21 с.
17. Памятники сибирской истории XVII века. Т. 1: от 1700 до 1713 гг. СПб., 1882.
18. Парунин А. В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480 – 1490 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Казань, 2010. С. 44 – 52.
19. Пелих Г. И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 220 с.
20. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: в 2 кн. Кн. 1: с 1585 – до 1742 года. М., 1838. 189 с.
21. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVII – XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983. 212 с.
22. Соколова З. П. Ханты и Манси: взгляд из XXI века. М., 2009. 792 с.

23. Трепавлов В. В. Западная Сибирь после Ермака: Российское «царство» и Татарский «юрт» // Российская история. 2012. № 2. С. 173 – 180.
24. Фишер И. Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания Сибирской земли российским оружием. СПб., 1774. 415 с.
25. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005. 312 с.
26. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М. – Л., 1946. 319 с.

Информация об авторе:

Чернышов Сергей Андреевич – соискатель кафедры востоковедения Исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, 1502911@mail.ru.

Sergey A. Chernyshov – post-graduate student at the Department of Oriental studies, National Research Tomsk State University.

(Научный руководитель: Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой востоковедения Томского государственного университета, sherstova58@mail.ru.

Research advisor: Ludmila I. Sherstova – Doctor of History, Head of the Department of Oriental studies, National Research Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.